Biographie de A. Jelaboff.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ

ЖЕЛЯБОВЪ

1 (13) Марта 1881 года.

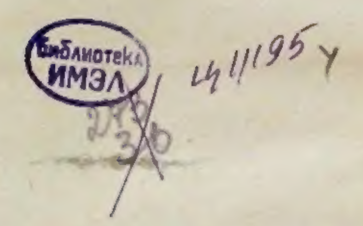

CAROUGE-GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1899

Тихомиров Л. А.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ
ЖЕЛЯБОВЪ

CAROUGE-GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1899

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ЖЕЛЯБОВЪ*)

(Матеріалы для біографіи.)

А. И. Желябовъ, по моему мнѣнію, представляетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ типовъ за всю послѣднюю четверть вѣка. Большая часть его огромныхъ способностей на могла найти себѣ примѣненія въ нашей сѣрой и тѣсной жизни, но, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, этотъ человѣкъ могъ бы разыграть крупную историческую роль, и размышляя о его короткой, но кипучей жизни, мнѣ невольно вспоминаются слова поэта, сказанныя по поводу такихъ же подвижниковъ земли русской:

«Попробуй, усомнись въ ея богатыряхъ
«Доисторическаго вѣка,
«Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
«Все поколѣнье два-три человѣка!

Изъ такихъ людей былъ и Желябовъ.

---

*) Рукопись получена нами изъ «Нар. Воли». Прим. Изд.

Не мнѣ бы характеризовать эту сложную, богатую натуру, — не легко понятъ ее, и еще труднѣе воспроизвести. Да проститъ мнѣ тѣнь мученика мои невольныя погрѣшности, но къ несчастью я совершенно не имѣю надежды на то, чтобы въ скоромъ времени нашелся кто либо другой, болѣе способный возсоздать его образъ: жизнь нашихъ радикаловъ такъ коротка и такъ немногимъ извѣстна. Разскажу же, по крайней мѣрѣ, то, что знаю о немъ я.

По происхождонію Желябовъ крестьянинъ, бывшій крѣпосной. Родился онъ въ 1849 или въ 1850 г. У меня сохранился отрывокъ изъ его собственноручнаго письма къ одному пріятелю, гдѣ описаны его дѣтскіе годы Привожу этотъ документъ дословно.

„Мы изъ помѣщичьихъ дворовыхъ, пишетъ Желябовъ; оба дѣда по отцу и по матери вывезены были своимъ бариномъ, помѣщикомъ Штейномъ (получивши мѣсто по администраціи) въ Крымъ, въ первые годы этого столѣтія, изъ Костромской губерніи. По пути слѣдованія въ Херсонской или Полтавской губерніи, помѣщикъ, ѣхавшій по старинному съ дворней и обозомъ, остановился для роздыха и веселья у родича помѣщика. Здѣсь

дѣдъ по матери, Гаврило Тимоѳ. Фроловъ, женился на вольной козачкѣ, Акулинѣ Тимоѳѣевнѣ. Въ Крыму Штейнъ роздалъ крестьянъ въ приданное дочерямъ, иныхъ продалъ.

Семейства Желябовыхъ и Фроловыхъ пошли въ разныя руки. Первое за дочерью Штейна перешло Нелидову, отъ котораго и освобождено въ 1861 г. Второе досталось куплей греку, малоазіатскому выходцу, Лампси, разбогатѣвшему продажей табуновъ лошадей, за деньги вышелъ въ дворяне съ правомъ имѣть крѣпостныхъ. Отъ этого Лампси семейство Фроловыхъ за дочерью его перешло къ Лоренцову, отецъ котораго — тоже выходецъ греческій — былъ простымъ каменьщикомъ, изготовлялъ надгродные памятники, разбогатѣлъ таинственно, сына обучилъ, опредѣлилъ на службу и купилъ дворянство. Отъ Лоренцовыхъ семейство Фроловыхъ освобождено въ 1861 г. Всѣ члены семейства Желябовыхъ и Фроловыхъ исполняли разныя дворовыя службы: такъ, отецъ мой былъ отданъ въ обученіе садовнику нѣмцу, дядя (Желябовъ) поваръ тетка (Желябова) фрейлина), дядя (Фроловъ) лакей, тетя (Фр.) горничная. Имѣніе Нелюдова — Султановка (первая почтовая станція отъ К. К. Феодосіи, Феодосійскаго уѣзда, въ

23 верст. отъ Керчи). Имѣніе Лампси называется Ашбель (Феодос. уѣзда). Имѣніе Лоренцовыхъ, въ 16 верстахъ отъ Феодосіи, называлось Кашка-Чекракъ Помѣщикъ Нелидовъ, состоя на военной службѣ, проживалъ въ Симферополѣ. Отцу по дѣламъ экономіи приходилось часто ѣздить изъ Султановки въ Симферополь, обязательно черезъ Ашбель (третья станція по той же К. Феодос. дорогѣ). Здѣсь приглянулась ему моя мать, дочь Фролова. Послѣ многихъ приключеній, отецъ мой, платившій помѣщику Нелидову, по тому времени, большой оброкъ, за нахожденіе въ услуженіи у южчобережнаго садовода нѣмца, — упросилъ Нелидова купить Варвару Гавриловну, мою мать. Купля состоялась. Часто отецъ, понукая мать, говоритъ и теперь: „Поварачивайся! вѣдь стоишь 500 руб. и *пятакъ мѣдный*“ (точная цѣна).

Послѣ женитьбы отца, семейство Фроловыхъ за дочерью Лампси переѣхало въ Кашки-Чекракъ. Всѣ члены семейства получили обязанность при дворѣ, дѣду за выслугой предоставлена свобода отъ обязательной работы; онъ жилъ съ бабкой, Ал. Тим. на птичьемъ дворѣ, стоявшемъ особнякомъ (вѣдомство бабье). Здѣсь я провелъ дѣтство свое (отъ 4 до 8 л.).

Дѣдъ высокій, сѣдоволосый старикъ, всегда ходилъ въ длиннополомъ сюртюкѣ рыжаго верблюжьяго сукна. Какъ теперь помню этотъ вѣчно задумчивый взглядъ, лицо, не знавшее улыбки, открытый лобъ, сѣдыя кудри, падающія на воротникъ, румянецъ во всю щеку (въ 60—70 лѣтъ отъ роду) и громадную сѣдую бороду. На сколько понимаю, онъ вѣроятно зараженъ былъ раскольничьимъ духомъ: вѣчно возился со старыми книгами въ тяжелыхъ переплетахъ, дважды библію прочиталъ, какъ и теперь о немъ говорятъ въ семьѣ, желая высказать почтеніе. Это — мой учитель и воспитатель. У него я научился грамотѣ церковной, отъ него перенялъ многіе взгляды, поставившіе меня въ оппозицію съ семействомъ родителей, по возвращеніи къ нимъ. Только мать моя съ радостью выслушивала мои „глупости“, говоря: „не Желябовскій духъ, а Фроловскій! Не даромъ дѣдушка тебя Фроленкомъ называетъ“. Образъ дѣдушки для меня милѣе всѣхъ, потому я и остановился такъ на немъ. Ровно 25 лѣтъ назадъ дѣдушка, торжественно осѣнивъ меня крестнымъ знаменіемъ, посадилъ за книжку, говоря: „пора учиться! Прочти молитву, и пусть Господь поможетъ тебѣ, будешь учиться

— будешь человѣкомъ". Училъ меня дѣдъ по старому — азъ, буки, вѣди, да еще съ титлами, но въ ученіе онъ влагалъ всю душу, и я къ 7—8 годамъ зналъ Псалтырь наизусть. Велика была радость дѣдушки, когда, отправляясь со мною гулять въ горы или въ лѣсъ рубить дрова, онъ говорилъ: „ну Фроленокъ, псаломъ такой-то!" И Фроленокъ барабанилъ безъ ошибокъ. Тогда повсюду ждали воли, считали каждый день, но съ затаеннымъ дыханіемъ. Помѣщики, по словамъ дѣдушки (вѣрно или нѣтъ) хотѣли вымѣстить зло напослѣдокъ; завели шпіонство, пороли за всякую провинность. Помню, какъ бабушка, вѣчно плакавшаяся: и „зачѣмъ это пошла я въ неволю"! — на цыпочкахъ всегда прокрадывалась къ окошку вечеромъ, прислушаваясь, нѣтъ ли тамъ Полтара-Димитрія, прикащика и шпіона, прозваннаго за громадный ростъ „полтора". Впослѣдсвіи, до освобожденія, ему мой дядя Жел., проживавшій на оброкѣ близь Кашки-Чекрака и чувствовавшій себя полувольнымъ человѣкомъ, за добродѣлель проломилъ голову. Что помѣщики пользовались властью до послѣднихъ дней, вотъ семейныя воспоминанія дѣтства моего: изъ дѣдушкина жилища я слыхалъ вопли

дяди Василія (лакея), когда пороли его на конюшнѣ.... О дѣтствѣ своемъ я никому не разсказывалъ, даже друзьямъ. Я помню, какъ позднею ночью моя тетя Люба (швея) прибѣжала въ нашъ домъ и рыдая повалилась дѣдушкѣ въ ноги. Я видѣлъ распущенныя косы, изорванное платье, слышалъ слова ея: „тятенька! миленькій тятенька, спасите!" меня тотчасъ увели и заперли въ боковой комнатѣ. Слыша рыданія любимой тетки, я плакалъ и бился въ дверь, крича: „за что мою тетю обижаютъ". Скоро послышались мужескіе голоса. Полтора-Димитрій съ людьми пришелъ взять Любу въ горницу. Голоса удалились. Что происходило тамъ я не знаю. Про меня забыли. Истомленный я уснулъ. На утро бабушка украдкой отирала слезы; дѣдушки не оказалось дома. По словамъ бабушки, онъ ушелъ въ городъ мнѣ гостинцевъ купить. Напрасно въ тотъ день сидѣли мы съ бабушкой на горѣ, надъ почтовой дорогой. Обыкновенно, увидавъ высокую фигуру дѣдушки и шапку на палкѣ, я бѣжалъ ему на встрѣчу версты за двѣ отъ горы. Дѣдушка бралъ меня на руки и подойдя къ бабушкѣ, оставлялъ меня и дѣлалъ привалъ.

На этотъ разъ его не было двое сутокъ;

возвратился онъ какой то особенный. Впослѣдствіи изъ разговоровъ старшихъ я узналъ, что помѣщикъ изнасиловалъ тетю, что дѣдушка ходилъ искать суда и воротился ни съ чѣмъ, такъ какъ помѣщикъ въ то же утро былъ въ городѣ. Я былъ малымъ ребенкомъ и рѣшилъ, какъ выросту, убить Лоренцова. Обѣтъ этотъ я помнилъ и былъ подъ гнетомъ его до 12 лѣтъ. Намѣреніе мое было поколебленно словами матери: „всѣ они собаки — мучители". Отецъ готовъ былъ идти на компромисы, но мать никогда.... Она и теперь дышетъ къ нимъ такой же ненавистью.

Сообщу еще нѣсколько голыхъ фактовъ. Одинъ мой дядя (братъ отца) отъ истязаній бѣжалъ за Дунай къ Некрасовцамъ; объ этомъ я только слышалъ, по тысячи разъ. Другой дядя (по отцу) отъ тѣхъ же радостей состоялъ въ бѣгахъ нѣсколько лѣтъ, былъ усыновленъ крестьяниномъ, ходилъ отъ него коробейникомъ, былъ случайно открытъ, какъ безпаспортный и въ кандалахъ возвращенъ помѣщику. Этотъ дядя, Павелъ, былъ поваромъ до самаго освобожденія и прожилъ съ нами нѣсколько лѣтъ. Разсказывалъ все самолично. Отецъ не разъ дрожалъ, выслушивая:

„въ Сибирь мерзавца!" Вся семья какъ то странно притихала и металась. Справедливость требуетъ признать, что Нелидовъ былъ мягокъ съ людьми, подъ давленіемъ жены свой — нашей собственницы. Восьми лѣтъ я переѣхалъ отъ дѣда въ Султановку къ роднымъ. Здѣсь въ одинъ изъ пріѣздовъ увидалъ меня Нелидовъ. Узнавъ что я обученъ грамотѣ, онъ далъ мнѣ книжку: она была гражданская. Но когда мнѣ дали разныя церковныя, помѣщикъ погладилъ меня по головѣ и велѣлъ придти къ нему въ кабинетъ; здѣсь онъ самолично объяснилъ мнѣ гражданскую азбуку, и открылъ для меня цѣлый новый міръ, прочтя „Золотую рыбку" Пушкина. Нелидовъ жилъ въ то время въ Керчи, туда же взялъ меня и опредѣлилъ въ приходское училище, откуда я перешелъ въ уѣздное. 1861 г. засталъ меня при переходѣ изъ I класса во II уѣзднаго училища."*).

Въ это время Керченское уѣздное училище было преобразовано въ прогимназію, а затѣмъ

*) На этомъ обрываются свѣденія, сообщенныя Желябовымъ о своей жизни. Письмо писано кажется, въ Декабрѣ 1880 года или, во всякомъ случаѣ, около этого времени, я списалъ съ подлинника, который писанъ несомнѣнно рукой Желябова и хранится у меня до сихъ поръ.

— въ гимназію, сперва реальную, а потомъ классическую. Желябовъ сдѣлался, такимъ образомъ, вольнымъ и продолжалъ ученіе. Онъ былъ страшный шалунъ, но прекрасный товарищъ и учился очень хорошо. Въ то время Желябовъ былъ худенькій, какъ тросточка, высокій мальчикъ, совершенно не похожій на широкоплечаго, мускулистаго молодца, какимъ сталъ впослѣдствіи. Вообще онъ развивался медленно. 17—18 лѣтъ онъ былъ еще совсѣмъ мальчикъ, умный, живой, веселый, очень симпатичный, но все таки мальчикъ. Товарищи его очень любили. Онъ всегда готовъ былъ „подсказать" товарищу, сдѣлать за другаго задачу, написать сочиненіе и особенно постоять за другаго передъ начальствомъ. Нерѣдко приходилось ему за всякія такого рода штуки сидѣть въ карцерѣ, разъ его даже хотѣли исключить. Но учился онъ всегда хорошо. Особенно сильно сталъ онъ развиваться въ VI—VII классахъ, такъ что долженъ былъ кончить курсъ съ золотою медалью, но на выпускныхъ экзаменахъ, хотя сдалъ ихъ блистательно, онъ, изъ-за своего поведенія, удостоенъ былъ только серебрянной медали. Въ томъ же году (1868—1869) Желябовъ поступилъ въ Одесскій университетъ на юридическій факультетъ и съ перваго же курса исключенъ за демонстрацію противъ профессора Богишича. Цѣлый годъ пришлось ему просидѣть въ деревнѣ, а за тѣмъ онъ поступилъ опять въ этотъ же университетъ, гдѣ пробылъ до III курса (юрид. факульт.).

Съ III же курса снова былъ исключенъ, но не знаю хорошенько за что; кажется, по случаю своего ареста или что-то въ этомъ родѣ. Въ университетѣ Желябовъ работалъ вообще очень много; жилъ уроками, зарабатывалъ рублей 150 въ мѣсяцъ; помнится въ 1872—73 годахъ Желябовъ уже принималъ участіе въ Одесскомъ кружкѣ, находившемся въ тѣсной связи съ Петербургскими Чайковцами. Не знаю даже приблизительно подробностей жизни Желябова отъ этого времени до 1877 года. Во всякомъ случаѣ онъ жилъ то въ Одессѣ, то въ деревнѣ. Въ это же время онъ женился и имѣлъ сына, также Андрея. Было бы очень интересно, если бы люди знающіе сообщили подробности объ этомъ періодѣ*).

---

*) Ниже мы помѣщаемъ свѣденія другаго автора, подробнѣе знакомящія съ этимъ періодомъ жизни Желябова.

Примѣч. изд.

Одесскій кружокъ, о которомъ я говорю, отличался очень хорошей, для своего времени, организаціей. Такъ напр. у нихъ введено было строго раздѣленіе труда и предположено вести агитацію не въ одномъ рабочемъ классѣ и между студентами, какъ, напр., было у Чайковцевъ, а вообще во всѣхъ народныхъ и общественныхъ сферахъ. Эти порядки заводилъ, разумѣелся, не молодой Желябовъ, а другой человѣкъ, уже пожилой и опытный, но во всякомъ случаѣ выходитъ, что Желябовъ сразу же попалъ въ лучшую политическую школу, чѣмъ большинство изъ насъ. Петербургскіе делегаты, возвращаясь изъ Одессы, не могли нахвалиться тамошними порядками и въ многомъ ставили ихъ себѣ образцомъ. Кружокъ просуществовалъ не долго и исчезъ въ погромахъ и движеніи 1874 г., разсѣявшись въ безпорядочныхъ толпахъ крестоносцевъ, двинувшихся въ народъ. Но Желябовъ, раздѣляя общее увлеченіе, да и всегда по принципу признававшій огромную важность дѣятельности въ массахъ, тѣмъ не менѣе во многомъ обнаружилъ далеко незаурядную систему дѣйствій. *Политическій агитаторъ* рано сказался въ немъ. Такъ напр. онъ принималъ дѣятельно участіе въ организаціи

помощи славянамъ, расчитывая, какъ разсказывалъ впослѣдствіи, на дѣлѣ возрожденія славянъ помочь политическому воспитанію самаго русскаго общества. Вообще надо сказать, что этотъ *мужикъ*, по своему происхожденію, никогда не отвертывался отъ „общества", какъ дѣлало большинство, отправлявшихся въ народъ. Русская революція представлялась ему не исключительно въ видѣ освобожденія крестьянскаго или даже рабочаго сословія, а въ видѣ политическаго возрожденія всего русскаго народа вообще. Его взгляды въ этомъ случаѣ значительно расходились со взглядами большинства современной ему революціонной среды.

Онъ признавалъ, что крестьянская реформа была великимъ благомъ для народа: правда она ничего не дала и даже многое отняла у крестьянъ въ экономическомъ отношеніи. Экономически она не освободила ихъ, но нравственно несомнѣнно возвысила, гражданскій уровень поднялся, а это очень важно. Тѣмъ не менѣе Желябовъ страшно ненавидѣлъ принципъ царизма. Власть неограниченная, безконтрольная была ему противна. Царя патріарха, отца мужиковъ, онъ не понималъ и не вѣрилъ въ возможность существованія

такого Онъ глубоко убѣжденъ былъ, что такой царь непремѣнно будетъ деспотомъ вродѣ помѣщика. Добрыхъ намѣреній за правительствомъ, освободившимъ крестьянъ, онъ никогда не признавалъ: „имъ нужно было увеличить свои доходы, имъ было выгоднѣе эксплуатировать крестьянъ самимъ и подорсравнительно сильный классъ дворянъ"—вотъ въ его глазахъ мотивы освобожденія, и — никокой тѣни благодарности правительству. Онъ говорилъ, что еще мальчикомъ, черезъ 5 лѣтъ по освобожденіи, онъ радовался Каракозовскому выстрѣлу и чувствовалъ къ царю такую же симпатію, какъ къ господамъ.

Связи съ деревней Желябовъ не прерывалъ вплоть до того времени, когда окончательно скопрометировался, т. е. до 1879 года. Ему часто и по долгу приходилось живать у себя дома и заниматься хозяйствомъ. Особенно долго прожилъ онъ около 1876 года (года два подърядъ). Здѣсь онъ находился, разумѣется, совершенно въ своей средѣ, между родныхъ, знакомыхъ, какъ свой человѣкъ. Хозяйство оно любилъ чрезвычайно и былъ способенъ погрузиться въ него до макушки. Онъ и впослѣдствіи не могъ равнодушно говорить о своихъ коняхъ, которыхъ самъ вы-

хаживалъ, о своихъ поляхъ, о томъ, какъ шло его хозяйство. Въ это время Желябовъ сложился въ здороваго, грѣпкаго мужика, съ которымъ очень немногіе могли помѣряться силами. Работникъ онъ былъ отличный, хозяинъ, говорятъ, очень хорошій. Жена съ ребенкомъ жила при немъ же, отчасти помогая мужу своими заработками, какъ акушерка.

Семейныя отношенія, судя по разсказамъ Желябова были у нихъ хороши. Онъ, вообще, не считалъ себя способнымъ привязаться къ женщинѣ всей душой. Но жену свою онъ все таки любилъ и очень гордился ея привязанностью. Въ этомъ отношеніи у него, впрочемъ, совершенно сохранились воззрѣнія среды, изъ которой онъ вышелъ. Въ женѣ онъ видѣлъ не поэтическую любовницу, а мать семейства и товарища по хозяйству; въ бракѣ у него на первомъ планѣ рисовались опять не любовь, къ которой онъ относился довольно насмѣшливо, а семейныя обязанности, и къ этимъ обязанностямъ Желяб. относился съ истинно мужицкимъ уваженіемъ. Даже въ 1879 году, рѣшаясь всецѣло отдаться революціонной работѣ, онъ сдѣлалъ это не прежде какъ окончательно развязавшись со

своими семейными дѣлами. Все это время Желябовъ, во всякомъ случаѣ, посвѣщалъ общественной дѣятельности лишь часть своихъ силъ и времени. Онъ дѣйствовалъ обществѣ, студенчествѣ, въ народѣ, но оставался еще хозяиномъ, и отцомъ семейства, и сыномъ. По всей вѣроятности, это происходило отъ того, что онъ еще не совсѣмъ выработался, отчасти же, можетъ быть, у него еще не накипѣло на душѣ на столько, чтобы кинутся въ политику всецѣло, махнувъ рукой на все остальное, на всю личную жизнь. 1877 годъ далъ значительный толчекъ выработкѣ Желябова.

Лѣтомъ этого года онъ былъ привезенъ изъ Крыма въ СПБ. въ качествѣ обвиняемаго по дѣла 193-хъ. Онъ прибылъ въ Домъ Предварительнаго Заключенія какъ разъ послѣ Боголюбовской исторіи, черезъ нѣсколько дней, когда вся тюрьма находилась подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ этого возмутительнаго насилія, совершенно Треповымъ чуть ли не на глазахъ 150 политическихъ арестантовъ. Безсильная злоба доводила людей до желтухи. Многіе твердо рѣшались убить, задушить или хоть исколотить Трепова, если удастся его встрѣтить въ своей камерѣ или

гдѣ бы то ни было.[1]) Разумѣется, злосчастныя прогулки, изъ за которыхъ вышла вся исторія, были совершенно оставлены. Арестанты объявили, что они не пойдутъ гулять иначе, какъ всѣ вмѣстѣ и не въ „загоны" (какъ назывались клѣтки, выстроенныя во дворѣ Д. П. З. для одиночныхъ прогулокъ, клѣтки эти въ 10 шаговъ длины и отъ 1—4 шаг. ширины); съ начальствомъ всѣ считали обязательнымъ обходиться грубо и дерзко, не пропуская безъ рѣзкаго отпора даже самаго справедливаго его требованія; добрая половина была въ такомъ состояніи, что ежеминутно изъ-за какого нибуть пустяка могла раскроить голову каждому, начиная отъ надзирателя и кончая управляющимъ.[2]).

---

[1]) Генералъ однакоже не показывался больше не только въ камеры, но и вообще въ Д. П. З.

[2]) Считаю долгомъ напомнить, что Боголюб. исторія произошла не при полковникѣ Федоровѣ, который былъ въ отпуску, а при Курнѣевѣ. Федоровъ, конечно, скорѣе вышелъ бы въ отставку, чѣмъ исполнилъ приказъ Трепова. «О, эти проклятые холопы! Что имъ не прикажи, они все сдѣлаютъ! Я знаю. что ты бы не допустилъ меня до этого» — говорилъ самъ Треповъ Федорову. Фед. былъ человѣкъ строго легальный, иногда до формализма, но мягкій и по принципу уважающій личность. Онъ дѣйствительно не допускалъ ничего, способнаго оскорбить арестантовъ и нѣсколько разъ подавалъ въ отставку, когда Треповъ черезчуръ грубо вмѣшивался въ дѣла Д. П. З. Вообще за всѣ 2—3 года своего управленія Федоровъ держалъ себя, нужно отдать ему справедливость, какъ человѣкъ порядочный.

Понимая это, начальство имѣло тактъ оставитъ арестантовъ въ покоѣ, предоставляя имъ перегорѣть, переболѣть эту страшную исторію. Тюрьма смотрѣла мрачно. Пѣсни, веселая болтовня черезъ окна смолкли, и раздавались только порой страстныя рѣчи о томъ, что уже послѣ такой исторіи никакое примиреніе съ правительствомъ палачей не возможно. Въ такую то атмосферу попалъ Желябовъ прямо отъ своего семейства, отъ своихъ полей и коней, отъ всѣхъ радостей потрудовой сельской жизни...

На другой день по прибытіи Жел., надзиратель пришелъ узнать, пойдетъ ли онъ гулять. Ничего не зная, Жел. замѣтилъ — „странный вопросъ“ — и отправился въ „загонъ“. Увидѣвши гуляющаго, его спрашиваютъ изъ окна: „вы кто?“ „Желябовъ“. „Политическій?“ „Да, по процессу“. — „Зачѣмъ же вы гуляете? мы не ходимъ гулять“ .. Удивленный Желябовъ, тѣмъ не менѣе, приказалъ отвести себя обратно въ камеру и тутъ только, вышедши къ окну, узналъ всѣ наши исторіи. Какъ они на него подѣйствовали, предоставляю судить каждому, кто зналъ эту страстную и гордую натуру. Въ средѣ тюремной Жел. сразу сталъ товари-

щемъ, вошелъ во всѣ интересы тюрьмы, хотя, разумѣется, не могъ играть большой роли. Когда наступилъ процессъ, тюремные вожаки, въ родѣ покойнаго Муравскаго, подняли агитацію въ пользу отказа отъ признанія компетенціи Особ. Присутствія.

Но мнѣнія раздѣлились. Многіе считали болѣе выгоднымъ, напротивъ, говорить на судѣ, чтобы сдѣлать гласнымъ и свои убѣжденія, и всѣ возмутительныя репрессаліи, которымъ правительство давало мѣсто, подавляя пропагаторское движеніе. Желябовъ, противъ котораго не было никакихъ обвиненій, стоялъ, однако, за „протестъ“. Какъ извѣстно, Особ. Прис. рѣшило этотъ вопросъ очень скоро. Не пустивши въ залу засѣданій публики, искажая первые же отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ, оно, во первыхъ, окончательно взорвало подсудимыхъ, во вторыхъ, убѣдило ихъ въ томъ, что самыя прекрасныя рѣчи и самыя правдивыя разоблаченія не выйдутъ на свѣтъ божій изъ темныхъ стѣнъ суд. залы. Раздѣленіе подсудимыхъ на группы было чистой насмѣшкой даже надъ своимъ собственнымъ правосудіемъ (смотр. объ этомъ печатное „заявленіе“ подсудимыхъ, редактированное Муравскимъ), оно окончательно по-

казало, что судьи — не толко сами явились пѣшками, не стыдящимися даже призниваться въ томъ, но что они еще воображають превратить въ такихъ же пѣшекъ и подсудимыхъ...

„Протестъ“ раздался громкій, небывалый. Въ массѣ 120 „протестантовъ“ накодился и Ж. По суду, онъ былъ, однако, все таки оправданъ, и въ Январѣ 1878 года выпущенъ, просидивши всего около 7 мѣсяцевъ. Тюрьма сильно резстроила ево здоровье, и, немедленно по выпускѣ на волю онъ уѣхалъ домой.

Періодъ жизни Ж. съ весны 1878 по 1879 годъ мнѣ опять совершенно неизвѣстенъ. Онъ былъ, однако, въ это время очень дѣятеленъ, особенно къ веснѣ 1879 г. На югѣ онъ успѣлъ за это время сдѣлаться очень извѣстнымъ и вступилъ въ нѣкоторыя отношенія съ сѣверянами.

* * *

Въ это время социально-революціонная партія находилась въ такомъ положеніи. Движеніе въ народъ, крайне смутное, но съ преобладающимъ *пропагаторскимъ* направленіемъ („созданіе въ народѣ соціально револ. атмосферы“) замѣнилось агитаціоннымъ движеніемъ, которое вообще тѣсно связано съ народничествомъ,

требовавшимъ въ массахъ такой дѣятельности, которая была бы основана на желаніяхъ и стремленіяхъ самого народа. Осуществленіе требованій массъ — таковъ былъ принципъ народничества, который у однихъ являлся и цѣлью, а у другихъ только средствомъ возбужденія народной революціи. Нельзя однако же сказать, чтобы народничество повсемѣстно остановилось на одной практической программѣ. Не ручаюсь за безусловную вѣрность моего мнѣнія, но думаю, что сѣверные народники осуществленіе народныхъ требованій признавали больше *цѣлью*, южные же больше — средствомъ; во всякомъ случаѣ практическая дѣятельность сѣверныхъ народниковъ выражалась, главнымъ образомъ, въ мелкой агитаціи на почвѣ мужицкихъ нуждъ: борьба съ помѣщиками, съ администраціей и притомъ, по преимуществу, легальная, хотя въ теоріи сѣверяне нисколько не чуждались нелегальной борьбы, даже до самозванщины включительно. На югѣ найболѣе выдающимся эпизодомъ народнической дѣятельности была именно *самозванщина* и попытки организаціи *боевыхъ шаекъ*, которыя должны были дать народу первый толчекъ въ борьбѣ съ помѣщикомъ и администрацій. Едва ли я ошибусь,

если скажу, что возстаніе, доходившее до низверженія правительства, южанамъ рисовалось гораздо ближе и яснѣе, чѣмъ сѣверянамъ, у которыхъ оно уходило богъ знаетъ въ какую даль.

Въ 1877—1878 годахъ безчисленныя и глупо варварскія преслѣдованія правительства начинаютъ возбуждать въ соціалистахъ мысль объ отпорѣ. Отчасти это было естественнымъ чувствомъ мщенія, иногда — дѣломъ чистой самозащиты, какъ, напр., убійство шпіоновъ. Выстрѣлъ Засуличъ какъ будто прорвалъ плотину. Убійство шпіоновъ, жандармовъ, нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, вооруженныя сопротивленія — такъ и пошли одно за другимъ. Въ этомъ отношеніи иниціатива принадлежитъ опять южанамъ. „Терроръ" гораздо болѣе созданіе юга, чѣмъ сѣвера.

Въ 1878 году уже былъ на югѣ элементъ, который началъ смотрѣть на терроръ не какъ на отместку, а какъ на средство борьбы. Это было мнѣніе немногихъ, но оно все таки существовало. Я полагаю, что Вал. Осинскій былъ главнымъ источникомъ этой теоріи. Отчаянныя головушки, въ родѣ Ивичевыхъ, не понимали, почему нельзя терроризировать правительство и заставить его дать соціалистамъ свободу дѣйствій. „Вы, значитъ, конституціоналисты", замѣчали имъ, „Вы признаете необходимость политической свободы?"

Вал. Осинскій, конечно, не сталъ бы отпираться отъ этого, но „террористы" отпирались: „намъ не нужно конституціи, намъ не нужны ихъ законы, — пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободой". Здѣсь не мѣсто разбирать основательность этихъ мнѣній, но во всякомъ случаѣ именно на югѣ, и именно у „террористовъ" явилась первая мысль о томъ, что для дѣятельности соціалистической необходима свобода, хотя бы „попущеніемъ начальства".

Въ организаціонномъ отношеніи сѣверъ издавна стоялъ гораздо выше юга. Задаваясь такими цѣлями, какъ самозванщина, терроризированіе правительства и т. д., и пробуя ихъ осуществлять, южане, однако, никогда не умѣли съоргенизовать тѣ силы, которыя необходимы для этого. Личная свобода составляла тамъ священнѣйшій догматъ и не догматъ и не допускала съорганизовать что нибудь большее, чѣмъ товарищескую шайку, конечно, способную на лихое предпріятіе, но уже никакъ не на низверженіе правительства. Сѣверъ въ организаціи всегда обставлялся

гораздо лучше. Поэтому онъ располагалъ и большими силами, и разбить ихъ было труднѣе.

Весною 1879 г. самой крупной организацiей въ Россiи безъ сомнѣнiя была „Земля и Воля“, имѣвшая нѣкоторыя слабыя отрыски и на югѣ, но цѣликомъ созданная сѣверомъ. Располагаю собственной типографiей и газетой, имѣя по крайней мѣрѣ десятки тысячъ рублей, устроивши довольно солидныя поселенiя въ 3—4 губернiяхъ, располагая, наконецъ, значительнымъ числомъ членовъ, сравнительно опытныхъ и энергичныхъ, этотъ кружокъ сверхъ того пользовался большой извѣстностью — а это въ революцiонномъ дѣлѣ, можетъ быть, самое главное. Но среди самой организацiи было раздвоенiе.

Обстоятельства были такого рода. Правительство, раздраженное террористическими попытками, не только не ослабило, но еще болѣе усилило мѣры къ искорененiю соцiалистовъ. Оно усиливало полицiю, умножало шпiоновъ; генер. Дрентельнъ задумывалъ систему мѣръ — къ „очищенiю“ столицы. Все это вызвало необходимость нѣкоторыхъ террористическихъ фактовъ. Такъ, напр., былъ убитъ шпiонъ Рейнштейнъ, который могъ погубить множество народу. Тѣми же

побужденiями вызвано покушенiе на жизнь Дрентельна. Но, разумѣется, всѣ эти факты еще болѣе раздражали правительство. Становилось очевиднымъ, что изъ этой борьбы нѣтъ другаго исхода, какъ — или уничтоженiе соц. револ. партiи, или же — политическiй переворотъ. Становилось вмѣстѣ съ тѣмъ очевиднымъ, что политическiй переворотъ невозможно произвести такими ничтожными мѣрами, какъ напримѣръ убiйство Мезенцева, да и то производимыми не систематически, а какъ случится. Для людей близко знакомыхъ съ положенiемъ дѣла, было несомнѣнно, что какая бы то ни было дѣятельность въ пользу народныхъ массъ не мыслима въ сколько нибудь крупныхъ размѣрахъ при существующемъ государственномъ порядкѣ. Перемѣна же характера государства, т. е. политическiй переворотъ — задача страшно трдуная, требующая всѣхъ силъ партiи, серьезной дѣятельности и крѣпкой дисциплинированной организацiи. Въ то время, когда городская часть „землевольцевъ“ приходила къ такимъ заключенiямъ, „деревенская“ часть, т. е. всѣ, проживавшие уже по году, по два въ деревнѣ, видя преслѣдованiя правительства, напротивъ, приходили къ заключенiю, что

терроръ оказался вреднымъ и его необходимо бросить, тѣмъ болѣе, что онъ увлекаетъ партію на путь политической дѣятельности и отвлекаетъ отъ задачъ въ народѣ.

Въ 1879 году нѣкоторая часть земневольцевъ,—убѣжденная, что при нашихъ условіяхъ игнорированіе политическаго элемента и уступка правительству — въ такъ или иначе завязавшейся борьбѣ — были бы равносильны самоубійству партіи, — начала нѣсколько измѣнять прежній характеръ дѣйствій. Лица, придерживавшіяся этого взгляда, скоро пришли къ убѣжденію въ необходимости измѣнить всю программу и довести свои силы до возможности оказывать сильное сопротивленіе правительству, — если же оно не откажется отъ своей системы, то они рѣшились поставить государственный переворотъ прямою цѣлью партіи. Все это представлялось въ то время крайне непопулярнымъ новшествомъ, конституціонализмомъ и т. п. Поэтому новаторы принуждены были дѣйствовать очень осторожно. Они не теряли надежды, что вся „Земля и Воля“ окажется способной понять требованія времени, но надежды эти не могли быть велики, а поэтому они старательно розыскивали поддержку вездѣ,

гдѣ было можно. Желябовъ былъ однимъ изъ людей, обратившихъ на себя ихъ вниманіе, и онъ дѣйствительно оказался ихъ единомышленникомъ, такъ что съ весны 1879 года онъ уже былъ постояннымъ союзникомъ землевольскихъ „террористовъ“, какъ ихъ тогда, — очень неправильно — называли.

Въ 1879 г. осенью, согласно уставу „З. и В.“, долженъ былъ собраться общій съѣздъ землевольцевъ, для окончательнаго обсужденія дѣлъ и постановки практическихъ задачъ организаціи, впредь до слѣдующаго съѣзда. Для этого собранія выбранъ былъ Воронежъ, какъ мѣсто, куда дешевле всего было съѣхаться большинству членовъ. Новаторы очень желали воспользоваться съѣздомъ для окончательнаго упроченія реформы. Самые же рьяные охранители старой программы, напротивъ, надѣялись, что на съѣздѣ имъ удастся искоренить изъ „Земли и Воли“, даже тѣ ростки новшества, которые успѣли туда проникнуть.

Въ виду такого положенія вещей, новаторы рѣшили, за нѣсколько дней до Воронежскаго съѣзда, собрать *свой* по близости, въ Липецкѣ, съ тѣмъ чтобы взвѣсить силы и явиться въ Воронежъ уже съ ясно опредѣленной программой и съ полнымъ представленіемъ о

томъ, на сколько обстоятельства позволяютъ быть требовательными.

Воронежскій съѣздъ былъ исключительно Землевольческимъ. Липецкій съѣздъ организованъ, главнымъ образомъ, землевольцами-новаторами, по соглашенію съ нѣкоторыми сторонними лицами, въ томъ числѣ и Желябовымъ. Приглашены же были на съѣздъ люди изъ разныхъ мѣстъ и кружковъ, не имѣвшіе пока между собою ничего общаго, кромѣ сознанія необходимости измѣнить программу, въ смыслѣ усиленія въ ней политическаго элемента, организаціонной централизаціи и активной борьбы*).

Жел. не былъ „Землевольцемъ", точно также, какъ не были ими большая часть, приглашенныхъ въ Липецкъ. Понятно, что Воронежцы ничего не знали о Липецкомъ съѣздѣ, который вообще былъ организованъ въ строгой тайнѣ, изъ опасенія, чтобы новое

---

*) Считаю необходимымъ напомнить читателямъ, что я говорю только о Партіонномъ съѣздѣ, а не объ Исп. Ком. какое отношеніе имѣетъ Лип. съѣздъ къ Испол. Ком., я не знаю и не берусь этого рѣшать. Во всякомъ случаѣ моихъ свѣденій все таки хватаетъ на то, чтобы видѣть, какъ запутали все это дѣло показанія Гольденберга. Этому послѣднему я по-истинѣ удивляюсь: какъ это онъ видѣлъ то, чего не было и не видѣлъ того, что дѣйствительно было. Думаю, что П. К. долженъ былъ бы теперь уже дать какую нибудь нить въ этой путаницѣ. Дѣло, кажется, совсѣмъ уже прошлое.

направленіе не встрѣтило отпора, прежде чѣмъ окрѣпнетъ. На съѣздъ приглашены были только тѣ изъ вліятельныхъ людей, которые уже раньше заявили себя сторонниками реформы.

Я считаю здѣсь необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно участія на съѣздѣ Гольденберга, такъ-какъ оно вообще сильно компрометируетъ съѣздъ, а въ частности и Жел., бывшаго въ числѣ организаторовъ его.

Съѣздъ нуждался въ людяхъ вліятельныхъ Гольден., какъ это не странно, былъ чрезвычайно извѣстенъ. Разумѣется никто не считалъ его умнымъ, но всѣ — и совершенно справедливо — смотрѣли на него, какъ на человѣка вполнѣ честнаго, безусловно преданнаго своему дѣлу и, сверхъ того, чрезвычайно дѣятельнаго. Знакомства и связи Голд. были очень обширны, какъ это онъ доказалъ впослѣдствіи, выдавши сотни двѣ человѣкъ. Во многихъ мѣстностяхъ онъ былъ популяренъ, и множество очень умныхъ и хорошихъ людей были его личными друзьями. Недостатокъ Гольденберга былъ тотъ, что онъ, вообще, былъ довольно ограниченъ и не постояненъ: безпрерывно увлекался разными планами. Сверхъ того онъ вообще отличался

большимъ честолюбіемъ. Обсуждая теперь дѣло a posteriori, я все таки не нахожу, чтобы приглашеніе такаго человѣка и при такихъ условіяхъ, въ какихъ находились новаторы, было *большой* ошибкой. Безъ сомнѣнія лучше было бы не приглашать его, но никакое предусмотрѣніе не могло указать въ приглашеніи его какой либо особенной опасности, и тѣмъ не менѣе, все таки на съѣздѣ большая часть присутствовавшихъ, присмотрѣвшись къ этому человѣку ближе, рѣшили держать его въ сторонѣ и выдѣлить изъ будущей партіи. Это сдѣлано было не потому, что кому либо могла прійти въ голову невозможная мысль о Гольд., какъ о предателѣ, а потому, что онъ, по своей ограниченности, не могъ ни понять, ни поддержать новаго направленія. Такимъ образомъ Гольд. и остался на все будущее время при „Народовольцахъ", какъ союзникъ, рубака, террористъ, но о дѣлахъ партіи не имѣлъ уже больше никакого понятія*).

*) Говорю о «партіи», а какъ относился къ Гольд. Исп Ком., не знаю; знаю только, что во время петербургскихъ съѣздовъ, участвовавшіе тамъ Народовольцы отъ имени Исп. Ком. предупреждались не приглашать бывшаго въ то время въ Петерб. Гольд., а нѣкоторые изъ знакомыхъ его — по тому же предупрежденію — совершенно съ нимъ не видѣлисъ.

Скажу еще два слова о „предательствѣ" Гольденберга. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что онъ не былъ, въ сущности, измѣнникомъ. Во первыхъ, несомнѣнно, что онъ былъ храбръ, жизнью не дорожилъ, и висѣлицы не могъ испугаться. Во вторыхъ, онъ выдавалъ все и всѣхъ, — и себя, и свою невѣсту, которую очень любилъ, и личныхъ друзей, которымъ былъ многимъ обязанъ, и о которыхъ онъ могъ молчать безъ всякаго опасенія за милость начальства, такъ какъ оно о нихъ не имѣло и подозрѣнія. Измѣнники такъ не поступаютъ: у измѣнника есть расчетъ, — у Гольд. его вовсе не видно. Поведеніе Гольд. мнѣ объясняется гораздо проще. Прежде всего, онъ не далекъ отъ природы, а въ одиночномъ заключеніи совсѣмъ помѣшался, что видно даже изъ путаницы лицъ и событій въ его показаніяхъ. Во вторыхъ, онъ крайне честолюбивъ. Слѣдователь, ведшій его дѣло, — человѣкъ, очевидно, умный, прекрасно воспользовался слабыми сторонами своего плѣнника. Онъ съ участіемъ выслушалъ всѣ горячія обвиненія Гольденбергомъ правительства въ томъ, что оно преслѣдуетъ истинныхъ друзей народа, притворяясь будто Гольб. открываетъ ему Америку и, наконецъ,

началъ убѣждать Гольд., что правительство, безъ сомнѣнія, измѣнило бы систему, если бы знало истинный характеръ партіи. Очевидно, что прямая обязанность честнаго человѣка — уничтожить такое страшное недоразумѣніе. Гольд. воодушевляется. Передъ нимъ — великое дѣло и великая слава: онъ примиритъ партію съ правительствомъ и откроетъ для нея возможность свободной дѣятельности въ народѣ. Для этого нужно лишь убѣдить правительство въ томъ, что истинное желаніе партіи — это мирная культурная работа въ народѣ, и что на борьбу ее вызываютъ лишь репрессаліи правительства. Съ этой цѣлью Гольд. начинаетъ описывать всѣхъ извѣстныхъ ему дѣятелей: вотъ такой-то — положимъ, — началъ съ мирной дѣятельности, правительство ему мѣшало, не давало возможности дѣйствовать, и онъ, дошедши до ожесточенія, совершилъ такія-то и такія-то дѣянія. Такъ онъ изложилъ біографіи чуть не всѣхъ ему извѣстныхъ лицъ. А для того, чтобы не было даже тѣни сомнѣнія въ его искренности, онъ выложилъ всю душу, все что могъ вспомнить его больной мозгъ, не щадя ни друзей, ни родныхъ, ни себя. Правда, онъ многое путаетъ, но путаница

эта совершенно безцѣльна и, очевидно, происходитъ не преднамѣренно, а только потому, что факты и лица перепутались въ его помутившейся головѣ*).

Нѣкоторое время Гольд. торжествовалъ. Но когда отъ него все выжали, обращеніе съ нимъ измѣнилось. Теперь уже ему не льстили, не говорили о примиреніи съ правительствомъ. Нѣкоторыя лица прокурорскаго надзора позволяли себѣ даже неосторожныя выходки. Встревоженный насмѣшливымъ обращеніемъ прокурора (другаго уже), Гольд. говоритъ: „Помните, г. прокуроръ, что, если хоть одинъ волосъ упадетъ съ головы моихъ товарищей, я себѣ этого не прощу“. — „Ужъ не знаю на счетъ волосъ“, отвѣчалъ остроумный прокуроръ, „ну, а что головъ много слетитъ, такъ это вѣрно“. Вскорѣ послѣ этого разговора Гольд. удавился.

Но возвратимся къ съѣзду. Роль Жел. на немъ была очень видная. Онъ неутомимо совѣщался и въ частныхъ разговорахъ, и въ общихъ собраніяхъ; старался ознакомиться съ людьми, сговаривался, проводилъ собственные

*) Я допускаю преднамѣренную ложь только въ тѣхъ частяхъ показаній, гдѣ Гольд. говоритъ о вещахъ, ему совершенно неизвѣстныхъ. Тутъ онъ прямо сочиняетъ, чтобы не сознаться въ своемъ незнаніи, чтобы не показать, что онъ, Гольд., можетъ чего нибудь не знать!

взляды и т. д. Что касается этихъ взглдовъ, то ихъ можно срезюмировать слѣдующимъ образомъ: Социально-революционная партiя не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло должно бы всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россiи свободныя учрежденiя и гарантiи личныхъ правъ. А между тѣмъ эти учрежденiя настолько необходимы, что, при ихъ отсутствiи, никакая дѣятельность не возможна. Поэтому русская социально-революционная партiя принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизмъ и дать Россiи тѣ политическiя формы, при которыхъ возможна станетъ „идейная борьба". Въ виду этого мы должны остановится, какъ на ближайшей цѣли, на чемъ нибудь такомъ, достиженiе чего давало бы прочное основанiе политической свободѣ и стремленiе къ чему могло бы объединить всѣ элементы, сколько нибудь способные къ политической активности.

Такимъ основанiемъ нѣсколько позднѣе, какъ извѣстно, явилось „Учредительное Собранiе" и принципъ „Народной Воли".

Порѣшивши утвердительно — хотя въ довольно неопредѣленной формѣ — этотъ вопросъ, съѣздъ перешелъ къ обсужденiю того, какъ социально-революционная партiя должна отнестись къ тѣмъ казнямъ, которыя, по всеобщимъ слухамъ, готовились въ видѣ отместки за 2 апрѣля. Въ этомъ отношенiи мнѣнiя Жел. были еще болѣе опредѣленны. Онъ доказывалъ, что, если партiя хоть сколько нибудь считаетъ своею цѣлью обезпеченiе правъ личности, а деспотизмъ признаетъ вреднымъ, если она, наконецъ, вѣритъ, что только смѣлой борьбой народъ можетъ достигнуть своего освобожденiя, то тогда для партiи просто не мыслимо безучастно относиться къ такимъ крайнимъ проявленiямъ тиранiи, какъ Тотлебенскiя и Чертковскiя расправы, инициатива которыхъ принадлежитъ царю. Партiя должна сдѣлать все, что можетъ: если у ней есть силы низвергнуть деспота посредствомъ возстанiя, она должна это сдѣлать, если у нея хватаетъ силы только наказать его лично — она должна это сдѣлать, если бы у нея не хватило силы и на это, она обязана хоть громко протестовать... Но силъ хватитъ, безъ сомнѣнiя, и силы будутъ рости тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе мы станемъ дѣйствовать.

Въ такомъ духѣ говорилъ Жел. и особенныхъ возраженій этому на съѣздѣ не было. Этотъ вопросъ былъ для всѣхъ ясенъ до очевидности, и дебаты только формулировали тѣ чувства, которыя все болѣе накипали въ это время на душѣ каждаго порядочнаго человѣка.

Я и безъ того такъ много принужденъ говорить не о Жел., а о постороннихъ обстоятельствахъ, что не могу, разумѣется, обрисовывать роли и мнѣнія другихъ лицъ съѣзда. Замѣчу только, что нѣкоторыя лица указывали на терроръ, какъ на средство борьбы, даже какъ на единственное почти средство: нѣкоторые ставили задачей партіи — достиженіе извѣстныхъ правъ; другіе — народоправленіе; третьи — захватъ власти самой партіей. Но, очевидно, что всѣ эти мнѣнія расходятся лишь въ оттѣнкахъ.

Третій вопросъ, подлежавшій обсужденію, былъ вопросъ о типѣ организаціи. Жел. не былъ въ это время особенно ярымъ централистомъ, хотя признавалъ необходимость дисциплины и извѣстной степени подчиненія. Онъ только впослѣдствіи вполнѣ проникся организаціонными началами, выставленными вскорѣ „Народней Волей". Поэтому его роль

на съѣздѣ по данному вопросу не была яркой. Подъ вліяніемъ доказательствъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, съѣздъ порѣшилъ, однако, организаціонный вопросъ въ смыслѣ строгой централизаціи, дисциплины и тайны.

Что касается задачъ практическихъ, то мимоходомъ замѣчу, что въ число ихъ не входила организація мести тирану. Относительно средствъ, которыми могла бы располагать партія въ этомъ случаѣ, велись, между прочимъ частные разговоры, но и только. Самое рѣшеніе организаціоннаго вопроса съѣздомъ было таково, что практическое осуществленіе подобнаго дѣла возлагалось прямо на *организацію*. Сверхъ того, вопросъ зависѣлъ отъ поведенія правительства. Вообще главнымъ дѣломъ участниковъ съѣзда было — распространеніе и укрѣпленіе новой партіи, вслѣдствіе чего они торопились разъѣхаться. Нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ и Желябовъ, должны были остаться по приглашенію землевольцевъ въ Липецкѣ до тѣхъ поръ, пока участники Воронежскаго съѣзда не вызовутъ ихъ туда (если окажется возможнымъ).

Въ Воронежѣ въ это время собралось уже много народу. Липецкіе землевольцы заставили себя ждать дня четыре, и нѣкоторые изъ

съѣхавшихся въ Воронежъ, наскучивъ ждать, уѣхали даже обратно въ свои деревни, такъ какъ имъ угрожала опасность потерять тамъ занимаемыя ими положенія. Явившись, наконецъ, въ Воронежъ, „террористы“ первымъ вопросомъ съѣзда поставили принятіе новыхъ членовъ (все больше изъ бывшихъ въ Липецкѣ), участіе которыхъ было необходимо для того, чтобы компанія содержала въ себѣ болѣе разносторонніе элементы. Съѣздъ, вообще, согласился, — нѣкоторыхъ принялъ, въ томъ числѣ былъ Желябовъ, который такимъ образомъ, явился въ Воронежъ.

Воронежскій Съѣздъ, вообще говоря, былъ очень безсодержателенъ. Нужно отдать справедливость его участникамъ: громаднѣйшее большинство ихъ вполнѣ добросовѣстно старались уяснить себѣ задачи времени. Но составъ съѣзда былъ такого рода, что рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, могло быть только компромиссомъ. Вся деревенская часть съѣзда, составлявшая большинство, во первыхъ, слишкомъ сильно сохранила старое отвращеніе къ политикѣ, нѣкоторые же оказались даже вовсе не революціонерами и проводили мысль, что задача партіи — это селиться въ народѣ, знакомиться съ нимъ и затѣмъ вести въ его

средѣ медленную культурную работу поднятія его умственнаго и нравственнаго развитія. Съ этими людьми, разумѣется, невозможно было столковаться, какъ бы они ни были хороши сами по себѣ. Жел. страшно злился. „Хороши ваши землевольцы“, говорилъ онъ, „и эти люди воображаютъ себя революціонерами!“ Жел., какъ и нѣкоторые другіе, былъ такого мнѣнія, что разрывъ неизбѣженъ, и что не стоитъ даже оттягивать его. Онъ прямо, безъ малѣйшихъ уступокъ, развилъ передъ съѣздомъ свою систему, свои взгляды, чѣмъ вызвалъ немалое изумленіе. „Да вѣдь онъ чистый конституціоналистъ“, говорили правовѣрные соціалисты...

Желябовъ относительно конституціи, дѣйствительно, держался такого мнѣнія, что она была бы очень полезна, что она облегчила бы возможность дѣйствовать, если не для „официальныхъ соціалистовъ“, то для людей вообще, и тѣмъ помогла бы народу выдвинуть своихъ дѣятелей, которые не хуже насъ съумѣли бы опредѣлить нужды народа и осуществить ихъ. „Я знаю, — говорилъ Жел., — много очень умныхъ, энергичныхъ общественныхъ мужиковъ, которые теперь сторонятся отъ мірскихъ дѣлъ, потому что круп-

наго общественнаго дѣла они себѣ не выработали, не имѣютъ, а дѣлаться мучениками изъ-за мелочей — не желаютъ: они люди рабочіе, здоровые, прелесть жизни понимаютъ и вовсе не хотятъ изъ-за пустяковъ лишиться всего, что имѣютъ. Конституція дала бы имъ возможность дѣйствовать по этимъ мелочамъ, не дѣлаясь мучениками, и они энергично взялись бы за дѣло. А потомъ, выработавши себя крупный общественный идеалъ, не туманный, какъ теперь, а ясный, осязательный, и, создавши *великое* дѣло, — эти люди уже ни передъ чѣмъ не остановятся, станутъ тѣми героями, какихъ намъ показываетъ иногда сектанство. Народная партія образуется именно такимъ путемъ.

Большая часть съѣзда, однако, боялась разрыва. Особенно онъ страшнымъ казался для еще не оперившихся „народовольцевъ" (т. е. будущихъ). Поэтому товарищи убѣждали Жел. не ставить вопроса слишкомъ рѣзко. Онъ согласился, но вмѣстѣ съ тѣмъ вообще замолчалъ на собраніяхъ и занялся исключительно частными бесѣдами, стараясь склонить на свою сторону отдѣльныхъ лицъ. Особенно хлопоталъ онъ около Софіи Перовской, съ которой, хотя и былъ знакомъ, но еще далеко не близокъ. Но С. Перовская крѣпко стояла за свои взгляды, и не разъ Желябовъ говорилъ, пожимая по обыкновенію плечами: „Нѣтъ, съ этой бабой ничего не возможно сдѣлать.

Съѣздъ кончился компромиссомъ. Было рѣшено, что программа „Земли и Воли" остается неизмѣнной, но что активная борьба съ правительствомъ должна быть усилена, и что — въ случаѣ казней — „Земля и Воля" должна принять самое дѣятельное участіе въ наказаніи тирана. Тенденціи „Земли и Воли" и „Листка Земли и Воли", которыхъ обвиняли въ измѣненіи программы (и, по моему, совершенно справедливо) были признаны согласными со взглядами партіи. Поселенія въ народѣ рѣшено было сохранить.

Понятно, всѣ эти рѣшенія совсѣмъ не удовлетворяли новаторовъ. Теперь — энергическая дѣятельность становилась невозможной ни въ одну сторону. Единственная выгода, которую они пріобрѣтали — нѣкоторыя матеріальныя средства, которыя можно было пустить на живое дѣло. Всѣ ясно понимали неизбѣжность разрыва, если положеніе дѣлъ не измѣнится. Но у новаторовъ сохранилась надежда, что, при болѣе продолжительныхъ

переговорахъ, при лучшемъ ознакомленіи съ дѣлами, если не всѣ, то большая часть консерваторовъ перейдетъ на ихъ сторону*). Во всякомъ случаѣ разрывъ, при еще не установившихся связахъ и средствахъ, былъ для „народовольцевъ“ крайне не желателенъ.

Немедленно послѣ съѣзда „террористы“ разъѣхались въ С. Петербургъ, Одессу, Харьковъ, Кіевъ, Москву, чтобы воспользоваться временемъ и склонять повсюду людей партіи на свою сторону. Желябовъ былъ, по обыкновенію, очень дѣятеленъ. Онъ объѣхалъ Одессу, Кіевъ, Харьковъ. Здѣсь то онъ произносилъ знаменитыя рѣчи, такъ восхитившія Гольденберга. Къ слову сказать, Желябовъ говорилъ, дѣйствительно, хорошо. У него, была, собственно, не совсѣмъ хорошая манера, какая-то книжная, профессорская. Отчеканивая ясно и раздѣльно слова, стараясь, чтобы всякое окончаніе, всѣ падежи были сказаны самымъ отчетливымъ образомъ, Желябовъ не пропус-

*) Эти надежды осуществились очень мало. Кое-кто дѣйствительно перешелъ на сторону новаго направленія, но вообще разрывъ сталъ неизбѣженъ. Приходилось дѣйствовать, приходилось устанавливать свою программу. Соглашеніе оказывалось невозможнымъ. Послѣ многочисленныхъ дебатовъ, послѣдній Петербургскій съѣздъ «З. и В.» разрѣшилъ разрывъ кружка, а вмѣстѣ съ нимъ — и партіи. Желябовъ не участвовалъ ни въ этихъ собраніяхъ, ни на этомъ конгрессѣ.

калъ ни одной запятой, ни одного двоеточія и часто употреблялъ причастія и дѣепричастія. Въ частномъ разговорѣ эта манера говорить производила не хорошее впечатлѣніе, но въ большой аудиторіи оказывалась очень выгодной. Сверхъ того, книжность оборотовъ рѣчи совершенно исчезала и стушевывалась, когда Желябовъ воодушевлялся. Онъ обладалъ также хорошимъ, звучнымъ, яснымъ голосомъ и неутомимою грудью. Несомнѣнно, что при нуждѣ онъ сумѣлъ бы говорить сподрядъ цѣлый день. Мысль у него развивалась чрезвычайно логически, въ возраженіяхъ онъ былъ очень находчивъ, подчасъ чрезвычайно ядовитъ и остроуменъ. Возраженія вообще не только не сбивали его, а даже помогали, подстрекали его мысль. Но особенно хорошъ бывалъ Желябовъ, если воодушевлялся и говорилъ въ патетическомъ тонѣ: о долгѣ передъ родиной, мести тирану или о чемъ нибудь подобномъ. Тутъ онъ способенъ былъ дѣйствительно наэлектризовать слушателей и повести ихъ за собой, куда угодно. Однимъ словомъ, Желябовъ былъ недюжинный ораторъ. Такой талантъ, при нашихъ русскихъ условіяхъ, разумѣется не можетъ имѣть примѣненія. Для того, чтобы говорить передъ

десяткомъ студентовъ или дюжиной рабочихъ, не нужно быть ни Мирабо, ни Гамбеттой. Да и воодушевлять то слушателей у насъ не къ чему, потому что некуда, не на что ихъ двинуть. Желябовъ не часто имѣлъ передъ собой аудиторію, способную воодушевить оратора, но когда это случалось, онъ всегда производилъ огромное впечатлѣніе.

Въ то время, когда народническая партія подыскивала себѣ новыя формулы, когда, послѣ Воронежскаго съѣзда, начался рядъ собраній въ Петербургѣ, и произошелъ, наконецъ, полный разрывъ партіи на двѣ фракціи, -- правительство начало рядъ безпощадныхъ казней, а Исполн. Ком. порѣшилъ смерть Александра II, и началъ съ этой цѣлью организовывать, какъ извѣстно, цѣлый походъ. Я не знаю, когда сошелся Желябовъ съ Исп. Ком., и какую роль онъ въ немъ дѣйствительно игралъ. Но въ обществѣ и во всей своей дѣятельности онъ съ осени 1879 года фигурировалъ, какъ оффиціальный агентъ Исп. Ком. Въ походѣ 1879 года Желябовъ игралъ очень важную роль. Она достаточно обнаружена политическ. процессами, и мнѣ нечего касаться всѣмъ извѣстныхъ вещей. Планъ Александровскаго покушенія былъ крайне

дерзокъ, но эта дерзость — вполнѣ въ духѣ Желябова. Онъ на себя всегда очень надѣялся, точно также, какъ старался выбрать и помощниковъ надежныхъ. Въ этомъ отношеніи онъ рѣдко ошибался и умѣлъ расположить къ себѣ и сдѣлать надежнымъ даже нѣсколько шаткаго человѣка. Онъ умѣлъ быть атаманомъ, оставаясь товарищемъ: сотрудниковъ никогда не превращалъ въ простыя пѣшки, а напротивъ возбуждалъ ихъ иниціативу, и давалъ ходъ каждой хорошей мысли. Сверхъ того, онъ умѣлъ и самъ подчиняться. Поэтому онъ никогда не затруднялся въ наборѣ людей на порученное ему дѣло.

Планъ былъ дерзокъ: мины закладывались подъ носомъ сторожей, безъ всякаго прикрытія, кромѣ часовыхъ*). Но за то и успѣхъ казался несомнѣннымъ, такъ какъ малѣйшій толчекъ долженъ былъ сбросить поѣздъ въ пропасть. Неудача произошла лишь отъ случайно перерѣзанной проволоки, или отъ дурнаго качества запаловъ, и во всякомъ случаѣ — была совершенно неожиданна.

---

*) Однажды человѣкъ, поставленный Жел. на сторожѣ, когда другіе работали, заснулъ, и Жел. засталъ его на мѣстѣ преступленія Его негодованію не было предѣловъ. «На войнѣ за это разстрѣливаютъ! Ну, а что же мы съ тобой должны сдѣлать?» — грозно укорялъ онъ. Впрочемъ этотъ человѣкъ былъ отмѣнный работникъ и отваженъ безгранично, и Жел. съ нимъ скоро помирился.

Въ своей роли купца-заводчика Желябовъ былъ, разумѣется, неподражаемъ. Онъ, впрочемъ, и самъ очень увлекался новыми согражданами. Эти потомки запорожцевъ, среди которыхъ ему попадались фамиліи славныхъ козацкихъ воителей, заинтересовали его. Онъ отъ души дружился, пилъ и ѣлъ съ ними, занимаясь въ то же время своимъ дѣломъ Онъ не разъ потомъ удивлялся, какъ это его съ товарищами никогда не взорвало: они перевозили динамитъ по самой тряской дорогѣ, сидя *на немъ* въ простой телѣгѣ, и еще гнали при томъ лошадей во весь духъ. „А въ книжкахъ-то чего не понаписано, будто онъ отъ сотрясенія взрывается“, смѣялись они.

Послѣ 19 ноября, Желябовъ явился въ Петербургъ и принялся работать во всѣ тяжкія. Времена были не хороши: много народу погибло, много средствъ и связей пропало; измѣна Гольденберга заставляла перестраивать множество плановъ, перетасовывать множество людей. Въ этой организаціонной работѣ Жел. дѣйствовалъ отъ имени Исполн. Ком., какъ агентъ его и для очень многихъ служилъ посредникомъ въ ихъ сношеніяхъ съ Исп. Комит. Дѣла, къ которымъ Желябовъ былъ прикосновененъ впродолженіе этихъ 2 лѣтъ,

очень разнообразны. Онъ наблюдалъ, напр., за устройствомъ динамитныхъ мастерскихъ, хотя особенныхъ свѣдѣній по этой части у него не было, но въ общихъ чертахъ онъ изучилъ производство и могъ, во всякомъ случаѣ, отличить здѣсь практичное отъ непрактичнаго, могъ оцѣнить новую мысль. Оффиціально его роль при мастерскихъ была, впрочемъ, служебная, т. е. онъ доставлялъ туда все необходимое для дѣла. Затѣмъ Желябовъ въ разное время фигурировалъ въ качествѣ организатора во всевозможныхъ слояхъ общества, народа и партіи. Особенно распространяться объ этомъ предметѣ, къ сожалѣнію, невозможно. Но я скажу, что роль организатора — это и была, по моему, настоящая роль Желябова, т. е. его самая сильная роль. Какъ человѣкъ боевой — онъ былъ отваженъ, иногда даже любилъ поиграть опасностью, онъ былъ хладнокровенъ, владѣлъ нервами и т. п. Но, во всякомъ случаѣ, не мало было людей, не мало ихъ и есть, которые сравнятся и даже превзойдутъ Жел. террориста. Но какъ организатора выше его едва ли можно поставить кого либо изъ извѣстныхъ мнѣ людей. Онъ умѣлъ сойтись съ человѣкомъ, умѣлъ и во время уступить, и

во время показать характеръ, понималъ, на сколько можно доводить свою требовательность, не рискуя изломать человѣка или довести его до бунта. Онъ во всякомъ дѣлѣ могъ показать другимъ личный примѣръ, все хоть по немножку зналъ, все хоть по немножку могъ сдѣлать. Онъ умѣлъ опредѣлить цѣну человѣку, и уловить во всякой массѣ ту личность, которая составляла ея душу. Онъ, наконецъ, никогда не падалъ духомъ, и ни при какихъ обстоятельствахъ не терялъ вѣры въ побѣду своего дѣла и въ свои собственныя силы...

Жел. былъ очень самолюбивъ, цѣну себѣ онъ зналъ очень хорошо. Тѣмъ не менѣе нужно сказать, что его самолюбіе рѣдко вредило ему, какъ организатору. Оно большею частью проявлялось въ формѣ благородной гордости, которая не позволяетъ наступать себѣ на ногу, чѣмъ въ видѣ мелочнаго тщеславія. Первое свойство Жел. и не считалъ позоромъ и всегда говорилъ, что такъ и должно быть, что ни одинъ порядочный человѣкъ не долженъ позволять засѣдлывать себя. Но мелочныя проявленія самолюбія — это былъ вѣчный врагъ Жел., съ которымъ онъ боролся до мстительности, какъ святые съ чортомъ. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, едва ли это

самолюбіе было такъ велико, какъ ему казалось. Видя, какъ Желябовъ при нуждѣ обуздывалъ себя, заставляя себя не обращать вниманія на обиду, видя какъ онъ отъ всей души поступался собственной мыслью или планомъ въ пользу другаго, видя, наконецъ, какъ онъ сближался, и искренно дружился съ людьми, которые были съ нимъ въ ссорѣ, но потомъ оказывались хорошими дѣятелями, нельзя не сказать, что, во всякомъ случаѣ, такое самолюбіе не опасно. Впрочемъ эта внутренняя борьба, я думаю, скорѣе осталась отпечаткомъ юношескихъ лѣтъ, когда каждый человѣкъ отыскиваетъ въ себѣ какое нибудь чудище. За послѣднее время своей жизни Жел. былъ такъ погруженъ въ свое дѣло, такъ хладнокровенъ даже къ дѣйствительнымъ обидамъ, что, надѣюсь, и самъ пересталъ сражаться съ собою. Вообще же это былъ такой человѣкъ, котораго нельзя было не полюбить, при близкомъ знакомствѣ.

Добрый, способный войти въ положеніе каждаго, способный другимъ прощать безконечно больше, чѣмъ самому себѣ — онъ невольно возбуждалъ къ себѣ симпатіи. Не даромъ его любило такое множество людей. По природѣ Жел. былъ крайне нервная, впечатлительная,

увлекающаяся натура. Онъ привязывался со страстью ко всякому дѣлу, за которое брался. Онъ рѣдко могъ говорить безъ нервнаго возбужденія и даже не могъ усидѣть спокойно на одномъ мѣстѣ, а все бѣгалъ и жестикулировалъ. Но въ эту кипящую душу былъ опущенъ чрезвычайно трезвый разсудокъ и огромная воля. Онъ *принуждалъ* себя быть строго разсудительнымъ, и странно было видѣть, какъ онъ страстно, лихорадочно перебиралъ въ разсужденіи всѣ pro и contra, чтобы никакъ ничего не упустить. Выводъ получался большею частью такой же основательный, какъ при самомъ хладнокровномъ мышленіи. Но Желябовъ все таки не довѣрялъ себѣ и всегда самымъ добросовѣстнымъ образомъ выслушивалъ и обсуждалъ всякое чужое мнѣніе и безъ малѣйшаго колебанія принималъ его, если оно оказывалось вѣрнымъ. Въ этомъ отношеніи у него не было никакаго лицепріятія.

Работалъ онъ по необходимости страшно много, потому что нужно было работать. У него по цѣлымъ мѣсяцамъ не бывало буквально свободной минуты. За послѣднее время жизни онъ до того уже надорвалъ себя, что не разъ падалъ въ обмороки, тщательно скры-

вая этотъ упадокъ силъ, не могъ спать, не смотря ни на какую усталось, и цѣлыя ночи проводилъ въ какомъ то фантастическомъ забытьи, съ грезами, съ разговорами, утомляясь за ночь такъ, что дневная работа потомъ казалась ему отдыхомъ. Не нужно забывать, что это происходило съ здоровякомъ и силачемъ, какихъ мало. Близкимъ друзьямъ онъ сознавался, что ему необходимъ отдыхъ, иначе онъ не выдержитъ еще и полугода и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда наконецъ исполнится его послѣдняя обязанность (ему, какъ извѣстно, опять было поручено дѣло 1 марта), и онъ уѣдетъ куда нибудь въ деревню отдышаться *).

Понятно, что лучшаго образчика никто изъ организуемыхъ не могъ себѣ представить. Всѣ подтягивались, всѣ старались напрягать послѣднія свои силы, видя передъ собой такого вожака, и около Жел. сами собой выростали люди, готовые на все. Этихъ „птенцовъ гнѣзда петрова“ вышло не мало, не мало ихъ уже и погибло. Назову, между прочимъ, высоко-даровитаго юношу К., буквально

*) Все это относится только къ послѣднимъ 2—3 мѣсяцамъ его жизни. Понятно, что такой атлетическій организмъ подался лишь очень нескоро.

заморившаго себя работой (недавно умеръ), назову Гриневицкаго, Окладскаго, Михайлова (Тимофея); могъ бы назвать еще дюжину людей, изъ которыхъ одни по лѣтамъ много старше самаго Желябова.

Организацiи рабочихъ и спецiально рабочихъ террористическихъ дружинъ, посвящено было много силъ Желябова. Имъ же основана и отчасти ведена „Рабочая Газета". Писалъ Жел. довольно плохо, хотя разсказывалъ превосходно. Онъ не могъ сладить съ мыслью, которая бѣжала гораздо шибче, чѣмъ перо. Но по нуждѣ могъ всетаки писать и писалъ. Рабочимъ дѣломъ онъ занимался чрезвычайно внимательно, „я, говаривалъ онъ, рожденъ демагогомъ. Мое настоящее мѣсто — на улицѣ, въ толпѣ рабочихъ".

Несмотря на такое мнѣнiе о себѣ Жел. съ неменьшимъ успѣхомъ дѣйствовалъ между молодежью и въ разныхъ общественныхъ сферахъ. Онъ исполнялъ также нѣкоторыя дипломатическiя миссiи. Его участiе въ дѣлѣ 1 марта слишкомъ извѣстно, для того, чтобы о немъ еще упоминать.

Въ личной жизни Жел. за то время слѣдуетъ отмѣтить одинъ фактъ. Онъ близко сошелся съ С. Перовской и около году жилъ

съ нею, какъ съ женой. Жел. вообще нравился женщинамъ и въ старые годы имѣлъ не мало „приключенiй". Но С. Перовская была для него дѣйствительно „женой" и въ его смыслѣ, а я уже говорилъ, какъ серьезно онъ смотрѣлъ на это дѣло. Онъ очень уважалъ умъ и характеръ С. Перовской и въ дѣлахъ смотрѣлъ на нее, какъ на одного изъ лучшихъ товарищей. Собственно говоря, въ такомъ положенiи, въ какомъ находились оба они, довольно смѣшно говорить о супружескомъ счастьи. Вѣчное безпокойство не за себя, а за другого, отравляетъ жизнь, безчисленныя дѣла и дѣлишки, превышающiя въ общей сложности силы человѣческiя, не даютъ подчасъ и слова сказать, особенно со своимъ человѣкомъ, съ которымъ не „нужно" говорить (съ чужимъ говорится хоть по обязанности, а свой и такъ обойдется). Серьезное чувство едва-ли способно при такихъ условiяхъ дать что нибудь, кромѣ горя. Но на Желябова съ женой иногда все таки было прiятно взглянуть въ тѣ минуты, когда „дѣла" идутъ хорошо, когда особенно охотно забываются непрiятности. Особенно — она: ея чувство было безгранично глубоко, и только такая натура, какъ у С. Перовской способна

вынести его, не утративши другихъ гражданскихъ чувствъ.

Заваленный работой, Жел. любилъ однако повеселиться. Онъ вообще понималъ прелесть жизни. Это была натура поэтическая, чуткая къ прекрасному, всецѣло отдающаяся жизни. Разъ, напр., онъ съ однимъ товарищемъ былъ на крайне важной сходкѣ, далеко отъ Петербурга. Проговоривши нѣсколько часовъ, изморенный и усталый, Жел. отправился въ Петербургъ, поздно ночью. На утро явился и его товарищъ, думавшій застать Желябова крѣпко спящимъ. Каково же было его изумленіе, когда онъ засталъ Жел. глубоко погруженнымъ въ чтеніе „Тараса Бульбы". Оказалось, что легши въ постель, онъ снялъ машинально книгу съ полки — и зачитался до самаго дня. Да и потомъ, оторванный отъ книги, онъ еще цѣлый часъ не могъ говорить ни о чемъ, кромѣ Тараса... Природа для него была полна чарующей прелести, и онъ каждую свободную минуту готовъ былъ забраться куда нибудь на Неву, на взморье, на широкій, безграничный просторъ. Музыку Жел. любилъ до страсти Любилъ развернуться и просто въ весельи, въ добромъ, товарищескомъ кружкѣ. Рѣдко выпадали такіе случаи. Но

когда выпадали — Жел. былъ душой общества. Онъ именно имѣлъ право сказать:

Когда въ дѣлахъ — я отъ веселья прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь...

Рѣдки были эти минуты. Казни — страшнымъ кошмаромъ давили каждаго. Такіе близкіе, часто такіе дорогіе люди, погибаютъ одинъ за другимъ, а всѣ попытки отомщенія остаются каждый разъ неудачны. Словно какая то невидимая рука спасаетъ тирана отъ всѣхъ усилій. Чего только не перепробовано, и все напрасно. Чувство безсильной злобы словно десятипудовая гиря давитъ васъ, вы начинаете терять вѣру въ справедливость, теряете всякую привязанность къ жизни, гдѣ беззаконіе, повидимому, составляетъ основной законъ. Тутъ ужь не до веселья, когда на свѣтъ божій становится противно глядѣть.

Однако же выпадали и беззаботныя минуты. За весь годъ, предшествовавшій 1 марту, я помню только одинъ вечеръ такого беззаботнаго веселья. Это было подъ новый годъ (1881). Въ это время уже стало извѣстно, что предпринятъ новый походъ противъ Александра II, и — на этотъ разъ — всѣми силами. Подробности даже, въ общихъ чертахъ, были извѣстны

лишь немногимъ участникамъ, и мы не знали даже, кто эти участники. Но потребность отвести душу была такъ сильна, что какъ то само собою вѣрилось въ успѣхъ... Не знаю, кто задумалъ этотъ вечеръ, но Желябовъ былъ тамъ главный распорядитель. Приглашенные явились богъ знаетъ куда, на край города. Погода стояла убійственная: вѣтеръ, мятель. Но внутри было шумно. „Господа, сегодня вечеръ безъ дѣлъ“, предупреждали распорядители каждаго, и дѣйствительно, просто не давали пикнуть о „дѣлѣ“. Въ первыя минуты странно было: о чемъ же говорить, что дѣлать? Въ головахъ кромѣ „дѣлъ“ такъ давно ничего не было. Но скоро все обошлось... Заботливая хозяйка заготовила всякое угощенье. Гости тоже понаносили, кто бутылку вина, кто пирогъ, кто еще что нибудь. Желябовъ превзошелъ себя. Онъ появлялся во всѣхъ комнатахъ, поддерживалъ разговоръ, не допускалъ оставаться задумчивою ни одной физіономіи, угощалъ, затѣвалъ пѣсни, танцы, заставлялъ каждаго развертывать свои таланты...

Памятный вечеръ! Здѣсь были, между прочимъ, Кибальчичъ, Н. Саблинъ, Желябовъ, С. Перовская, и еще десятка полтора лицъ.

На всѣхъ напало какое то страшное веселье. Многіе знали, что навѣрное не выйдетъ уже въ жизни другаго такого вечера. Господи, какъ только мы не дурачились! Н. Саблинъ, неподражаемый разсказчикъ, морилъ насъ со смѣху своими анекдотами. Стали пѣть. Давно ужь не пѣвали радикалы! Дружно раздалось:

Звучитъ труба призывная
Съ радостью въ бой мы идемъ...

Пѣли и безъ тенденціи. Потомъ стали танцовать, пародируя „настоящій балъ. Желяб. торжественно открылъ балъ и затѣмъ не пропустилъ ни одной дамы. Танцы начались кадрилью и лансье, а закончилась ужасающимъ трепакомъ. Желябовъ и Саблинъ оба замѣчательно танцовали, такъ что, не смотря на новый годъ, не смотря на то, что девятьдесятыхъ Петербурга было въ этотъ моментъ пьяно-расъпьяно, нижніе жилцы все таки пришли узнать, что это такое у насъ происходитъ. Веселый ужинъ съ тостами за революцію, за смерть тиранамъ и т. д. заключилъ нашъ вечеръ и затянулся до бѣлаго дня. Со многими изъ бывшихъ здѣсь я уже на вѣки простился...

Никто не веселился въ подобныхъ случаяхъ искреннѣе и беззавѣтнѣе Желяб. Глядя на него въ эти минуты, можно было подумать, что у этого человѣка нѣтъ на душѣ ни одной тяжелой мысли, ни одной тяжелой заботы. И онъ дѣйствительно забывался...

А между тѣмъ черныя, какъ ночь, думы такъ и кружились вокругъ его головы, но не имъ было покорить эту буйную головушку. Желябовъ ихъ гналъ прочь. Никогда не допускалъ онъ себя погружаться въ уныніе. „Ну, это ничего. Что жъ дѣлать! Теперь будемъ поправлять“ — вотъ какими словами онъ встрѣчалъ каждый ударъ, каждую неудачу. Даже то страшное разстройство физическихъ силъ, о которомъ я говорилъ, не пугало Желябова, или, по крайней мѣрѣ, не лишало его бодрости. Его вѣра въ успѣхъ революціоннаго дѣла была несокрушима. „Это пустяки: люди найдутся. Мы погибнемъ, другіе будутъ“, повторялъ онъ. Правда, что это говорилось отчасти для ободренія другихъ, но вѣдь и ободрять можетъ только тотъ, кто самъ не терялъ бодрости и вѣры.

Великій примѣръ давалъ и даетъ этотъ человѣкъ всѣмъ, знавшимъ его. Глубоко сожалѣю о своемъ безсиліи воспроизвести хоть

сколько нибудь достойнымъ образомъ эту рѣдкую личность, но можетъ быть, разсказанное мною послужитъ впослѣдствіи хоть матеріаломъ для великаго художника, который съумѣетъ воскресить память мученика, чтобы онъ, какъ живой, всталъ передъ своими духовными потомками, такъ-же, какъ при жизни ободряя ихъ, такъ-же призывая къ великимъ дѣламъ, такъ-же говоря ихъ душѣ своимъ пламеннымъ языкомъ:

О если бъ я пролить въ васъ могъ
Огонь, что насъ палилъ и жегъ,
Чтобъ всякъ изъ васъ душою ожилъ
И хоть одну бъ минуту прожилъ,
Какъ дѣды прожили вѣка...

СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ

А. И. Желябова.

(Конецъ 60-хъ и начало 70-хъ годовъ*).

. . . Когда вспомнишь теперь, сколько огня безрасчетно расходовалъ тогда Андрей Ивановичъ на пустыя, въ сущности, дѣла по студенческой кассѣ, кухмистерской, библіотекѣ, студенческому суду и т. п., — жалко становится, отчего эта богатая сила не сразу нашла себѣ свободный исходъ и широкое поле. Но тогда думалось иначе, смѣтрѣлось иными глазами. Такимъ-же порывистымъ и нервно подвижнымъ былъ Ан. Ив. не только въ особенныхъ случаяхъ, но и въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ. Качается-ли онъ съ тобой на качеляхъ въ саду у знакомыхъ, ужъ тутъ держись: всѣ силы положитъ на то, чтобы раскачать такъ, что вотъ-вотъ кажется перелетишь черезъ поперечную балку, а запросишь пардону — перестанетъ. Танцуетъ-ли на импровизированной студенческой пирушкѣ, страшно становится за участь дамы и неловкой пары, которая столкнулась бы по дорогѣ. Поетъ-ли, обыкновенно нѣсколько приподнявши правую ногу и руку, вмѣстѣ съ другими непризнанными пѣвцами свои любимыя пѣсни: „Хата моя рубленая“, „Тыхо Дунай воду несе“, „Віютъ вітри ще й буйнесеньки“, можно было напередъ сказать, что если въ тактѣ и тонѣ надѣлаетъ непозволительные промахи, за то ужъ усердіемъ превзойдетъ весь хоръ.

*) Это отрывокъ изъ воспоминаній о Желябовѣ другаго автора. Прим. Изд.

Жилъ онъ тогда стипендіей А., которая высылалась крайне неисправно, и наконецъ, совершенно прекратилась, за отказомъ А. исполнить духовное завѣщаніе своего мужа; поэтому Андрей Ивановичъ бѣдствовалъ порядкомъ. Коротенькій и узенькій сюртучекъ съ Греческаго базара съ коротенькими рукавами и способностью лопаться подъ мышками чуть не на третій день послѣ покупки, такіе же коротенькіе съ вытянувшимися колѣнками панталоны, порыжѣвшее и сильно потертое пальтишко, войлочная студенческая шляпа пѣтушкомъ — вотъ неизмѣнный нарядъ Анд. Питался онъ въ студенческой кухмистерской едва-ли не однимъ супомъ. Уроковъ тогда, кажется, не имѣлъ никакихъ. Крайне деликатный по отношенію къ другимъ, не знавшій мѣры своимъ услугамъ и одолженіямъ для тѣхъ, кто въ нихъ нуждался, каждую минуту готовый броситься

въ огонь и воду за товарища и друга, неистощимо терпимый къ маленькимъ слабостямъ своихъ знакомыхъ, онъ мгновенно переображался и вспыхивалъ зловѣщимъ огнемъ, когда слышалъ обидную насмѣшку или грубость нахала. Откуда бралась и желчь и остро-язвительный сарказмъ и грозные жесты! Остроумный вообще въ шуткѣ, въ этихъ случаяхъ онъ былъ чрезвычайно и мѣтко язвительнымъ. Невольно сказывалась суровая и рѣзкая натура кацапа. Разъ возникшее чувство, былъ-ли то гнѣвъ или симпатія, не скоро проходило, особенно чувство дружбы и благодарности: нуженъ былъ цѣлый рядъ жестокихъ ударовъ, чтобы разрушить ихъ.

До 1870 года онъ, хотя и увлекался еще студенческими дѣлами, но не могъ, однако, не замѣтить подъ конецъ, что это ужъ очень мелко, тѣмъ болѣе, что значительная часть студенчества не принимала въ нихъ никакого участія и только пассивно мирилась съ ними. А для Ан. необходимы были, какъ вода для рыбы, сильное движеніе, кипучая борьба, широкая перспектива самоотверженной гражданской дѣятельности, благородный рискъ. Кропотливая, хотя и полезная работа трудолюбиваго муравья была совершенно не въ его натурѣ; онъ измучился бы и зачахъ надъ нею. Дайте ему удочку въ руки и посадите на бережку выуживать рыбку за рыбкой,

засадите за переплетный станокъ ассоціаціонной мастерской, заставьте исполнить роль полезнаго учителя, терпѣливо насаждающаго добрыя сѣмена въ молодыхъ душахъ, — онъ съ ума сойдетъ отъ тоски, хотя и будетъ ругать себя всячески за отсутствіе терпѣнія и выдержки: но бросьте его въ водоворотъ революціонной борьбы, поставьте у смертельно-опаснаго дѣла, но такого дѣла, которымъ можно сдвинуть „свято русску“ съ ея перержавѣвшихъ и перегнившихъ устоевъ, онъ счастливъ, онъ, ни на минутку не задумавшись, сложитъ, въ случаѣ надобности, свою буйную голову, лишь бы дѣло восторжествовало. Не поощрять, а, напротивъ, всѣми силами сдерживать нужно было этотъ неукротимый пылъ самопожертвованія. Когда, бывало, перевезетъ кто-нибудь изъ Петербурга или вышлетъ изъ за границы опасную кладь, которая, вдобавокъ, по вѣрнымъ извѣстіямъ, выслѣжена и зорко оберегается шпіонами, и всѣ отказываются идти получать ее по накладной или отъ контрабандиста, одинъ Ан. рискуетъ, собою и благодаря своей „счастливой звѣздѣ“, о которой онъ часто вспоминалъ въ шутку, какъ то умѣетъ доставить посылку по назначенію. Затѣвалось-ли освобожденіе арестанта изъ тюрьмы, препровожденіе бѣглеца за границу или другое какое-либо опасное дѣло, — всегда во главѣ его и на самомъ рискованномъ посту стоялъ Ан. Рядовымъ онъ ни-

когда не могъ стать — если бы и пожелалъ, всѣмъ складомъ натуры своей онъ былъ герой, предводитель. О честолюбіи, или, лучше сказать, главолюбіи, которое могло бы заставить другого въ его положеніи добиваться перваго мѣста, здѣсь не можетъ быть и рѣчи, потому что если оно и было у него въ извѣстной долѣ (чего мы не намѣрены отрицать, предпочитая панегирику безпристрастную и правдивую характеристику), то отнюдь не это создавало ему роль предводителя (тѣмъ болѣе, что нигдѣ, даже справедливыя притязанія на предводительскую роль, не встрѣчаютъ такого мнительнаго отношенія и часто такого враждебнаго отпора, — какъ между русскими соціалистами-революціонерами), а именно его героизмъ -- результатъ столько же нравственныхъ его качествъ, какъ и темперамента.

Въ 1870 году возникло Нечаевское дѣло. Соціальное и политическое переустройство Россіи; близость народной революціи; революціонные кружки молодежи, густою и таинственною сѣтью покрывшіе всю Русь и подготовляющіе близкую уже катастрофу; жизнь и смерть для народа и за народъ; университетская молодежь въ передовыхъ рядахъ движенія, —вотъ какая исполинская ширь открывалась вдругъ съ этимъ дѣломъ передъ глазами Ан., уже начинавшаго тосковать среди дрязгъ домашнихъ, студенческихъ интересовъ и дѣлъ. Стоитъ-ли напоминать,

что съ этой минуты Ан. всецѣло примкнулъ душой къ русской революціи. Что было до сихъ поръ однимъ настроеніемъ, склонностью, невыяснившимся чувствомъ, въ разбродъ направлявшимся гуманнымъ порывомъ, то вдругъ стало превращаться въ непоколебимое убѣжденіе, въ ясно сознанный долгъ предъ народомъ и собственною совѣстью, въ цѣльную программу революціонной дѣятельности, лозунгомъ которой было — жизнь и смерть за соціальное и политическое освобожденіе русскаго народа. Нечаевское дѣло не создало изъ Ан. революціонера, потому что онъ былъ уже имъ и до этого дѣла всѣми своими симпатіями и натурой; — оно только практически оформировало существующее, сконцентрировало силы и направило бурный потокъ, разбѣгавшійся ручьями, по одному руслу. Нужно-ли было, напримѣръ, зарождать и воспитывать демократизмъ и любовь къ народу въ крестьянскомъ сынѣ, испытавшемъ крѣпостную палку и сословную несправедливость, никогда не порывавшемъ живой связи съ семьей и съ родной деревней, которая съ гордостью слѣдила за его блестящими успѣхами, нужно ли это было особенно въ такое время и въ такой средѣ, гдѣ званіе — „крестьянскій сынъ“ окружалось полу-мистическимъ ореоломъ? Нужно-ли было въ „рыцарѣ безъ страха и упрека“, до крайности отзывчивомъ на голосъ всего обиженнаго и угнетеннаго, подогрѣвать участіе

къ страданіямъ народа русскаго? Конечно — нѣтъ! Но сказать ему, что онъ не одинокъ будетъ въ бою, что онъ найдетъ товарищей, готовый опытъ и крѣпкую организацію, дать практическій исходъ его народолюбію, уже начавшему, вслѣдствіе отсутствія практики, превращаться въ сантиментальную расплывчатость, протрубить боевой сигналъ къ аттакѣ, — все это нужно было сдѣлать. И, по нашему мнѣнію, Неч. дѣло произвело именно такой эффектъ на Андрея.

Но никакихъ слѣдовъ революціонной организаціи въ то время въ Одессѣ еще не было; нельзя было найти даже отдѣльныхъ лицъ, которыя помогли бы завязать сношенія съ партіею дѣйствія. Оставалось самому создать организованную партію, по образцу и духу Нечаевской. И Ан. взялся за это, начавши рекрутировать свою армію, конечно, изъ близкой ему студенческой среды. Но студенчество разбрелось, кто въ лѣсъ, кто по дрова, апатически баклушничало, ограничивалось невѣсомыми симпатіями либеральнаго характера и крѣпкими словами по адресу Каткова, Толстого и III Отд. Этого было слишкомъ мало. Чтожъ оставалось дѣлать? Взбудоражить студенчество какимъ нибудь общимъ дѣломъ, наэлектризовать какою-нибудь одною гуманною идеею, доступною пониманію и сочувствію даже послѣдняго олуха, и создать такимъ образомъ, дѣятельный про-

тестантскій духъ, поддерживаемый рядомъ болѣе или менѣе побѣдоносныхъ сраженій со всякаго рода начальствомъ. Намѣтить и сформировать послѣ этого кадры партіи дѣйствія было-бы не трудно. Въ поводахъ для такихъ опытовъ недостатка не могло быть. Извѣстный своимъ высокомѣріемъ, нахальствомъ и грубостью профессоръ славянскихъ законодательствъ Богишичъ оскорбилъ въ аудиторіи одного студента. Проучить нахала и безъ того нужно было, имѣя полное основаніе расчитывать на поддержку, по крайней мѣрѣ, большинства студентовъ, а тутъ еще подоспѣли и упомянутыя высшія соображенія, и Ан. живо ухватился за поводъ. Исторія разыгралась мигомъ, на другой день въ сборномъ залѣ раздались, при входѣ Богишича, оглушительные свистки и, конечно, на самомъ видномъ мѣстѣ красовался Ан., и свисталъ, какъ извощикъ. Вечеромъ въ тотъ же день состоялась бурная сходка, подъ предсѣдательствомъ Ан., а на слѣдующій — юридическая аудиторія, гдѣ долженъ былъ читать Бог., была переполнена возбужденными студентами всѣхъ факультетовъ и, при входѣ проректора — миротворца, раздался потрясающій крикъ: „долой Богишича!“ И здѣсь Ан., очень неблагоразумно, съ точки зрѣнія намѣченнаго заранѣе плана, выдавался впередъ, вскакивалъ на кафедру, чуть не столкнувши оттуда проректора, затѣвалъ ожесточенный споръ съ

набѣгавшимъ по временамъ въ аудиторію разнымъ начальствомъ, протестовалъ отъ имени всего студенчества и, вообще, велъ себя такъ, что для всякаго младенца ясно становилось, что авторъ и душа исторіи — онъ. Такова же была его роль на всѣхъ послѣдовавшихъ затѣмъ сходкахъ, гдѣ онъ оставался безсмѣннымъ предсѣдателемъ; такъ же велъ онъ себя послѣ закрытія университета и на университетскомъ судѣ, гдѣ говорилъ, какъ строгій судья, а не какъ оправдывающійся обвиняемый. Удивленіе и симпатіи къ нему послѣ этого стали общими, даже судьи громко хвалили честную и открытую душу Жел., но главное то дѣло, въ сущности, было уже проиграно. Слишкомъ цѣльна была его натура, чтобы выдержать до конца двойственную роль, и слишкомъ великъ былъ боевой пылъ, чтобы можно было въ пору унять его. Онъ исключенъ на годъ изъ университета, высланъ въ Керчь, цѣлый годъ изнывалъ тамъ и терпѣлъ крайнюю нужду. По возвращеніи въ Одессу, — въ университетъ, противно постановленію и обѣщаніямъ, его не приняли, и онъ сталъ однимъ изъ тѣхъ вольныхъ людей безъ пристанища, которыми такъ богато послѣднее десятилѣтіе. Къ этому же времени относится знакомство Ан. съ нѣкоторыми ветеранами революціи, усвоеніе программы мирной пропаганды среди народа и начало формальныхъ связей съ дѣятелями этой партіи. Но жить

между тѣмъ чѣмъ-нибудь нужно было, а уроковъ не было; кромѣ того онъ еще былъ слишкомъ на виду у полиціи и связанъ своимъ шумнымъ недавнымъ прошлымъ, такъ что принять видное участіе въ выполненіи едва назрѣвавшихъ плановъ партіи, пока не могъ..... И вотъ онъ рѣшается заставить забыть о себѣ: принимаетъ кстати подвернувшееся предложеніе одного Херсонскаго помѣщика Я. — поступить къ нему домашнимъ учителемъ и уѣзжаетъ на годъ въ К. Незнающіе Ан. могутъ подумать, что здѣсь онъ, первымъ дѣломъ, постарается обработать своихъ учениковъ въ партіозно-революціонномъ духѣ. Нѣтъ, онъ неизмѣнно держался здѣсь, какъ и вездѣ въ такихъ случаяхъ, того правильнаго взгляда, что въ дѣтяхъ, кромѣ научныхъ свѣдѣній, слѣдуетъ развивать только основныя правила честности и гуманности, подъ которыми охотно подписался бы всякій просто хорошій человѣкъ; о дѣлахъ же и цѣляхъ партіи говорилъ только со взрослыми и правоспособными людьми. Возвратившись въ 1872 году въ Одессу, Ан. всей душой примкнулъ къ все еще формировавшейся партіи движенія въ народъ и, какъ слѣдовало ожидать, сталъ самымъ активнымъ ея членомъ. Интересно, кажется, будетъ отвѣтить здѣсь на вопросъ: могла-ли мирная соціалистическая пропаганда среди народа стать дѣломъ всей жизни Ан. и вполнѣ удовлетворить его? Когда онъ

приступалъ къ дѣлу, когда исполнялъ какое нибудь опасное предпріятіе, требовавшее напряженія всѣхъ силъ, когда спорилъ и убѣждалъ другихъ, онъ искренно вѣрилъ, что другой цѣли у честнаго и дѣятельнаго друга народа и другого пути, кромѣ пути мирной и соціалистической пропаганды, быть не можетъ; но мы, оглядываясь на его характеръ, нѣсколько очерченный нами выше и на его послѣдующую дѣятельность, должны дать другой отвѣтъ. Мирно пропагандистская программа дѣйствій среди народа могла безусловно удовлетворить Ан. только одной своей стороной, — тѣмъ, что она говорила: единственная твоя цѣль должна быть счастье обездоленнаго, чернаго, вдвойнѣ роднаго тебѣ народа; единственный путь достиженія этой цѣли — черезъ народъ, черезъ сліяніе съ нимъ; это вмѣстѣ съ тѣмъ самое надежное и радикальное средство сдвинуть постылый міръ съ его основанія; наконецъ, васъ немного, нѣсколько десятковъ, а противъ васъ весь міръ, — подлый, лживый или глупый.

Какъ же велико будетъ торжество той истины и правды, которую вы исповѣдуете, если она побѣдитъ этотъ міръ и воцаритъ братство, равенство и свободу на землѣ?! Почему именно этой стороной должна была правится Ан. мирно пропагандистская программа, намъ, послѣ всего выше сказаннаго, нечего, кажется, объяснять. Но въ этой программѣ

была и другая сторона, которая должна была вызвать въ душѣ Ан. трагическую раздвоенность, которой не могли уничтожить никакія самобичеванія; она, такъ сказать, произвела трещину, которая съ теченіемъ времени не только не заростала, а все болѣе и болѣе расширялась, причиняя ему мучительныя, хотя и старательно скрываемыя даже отъ себя самого страданія... Пропаганда требовала, какъ оказалось на практикѣ, слишкомъ продолжительнаго времени; кромѣ того она была разсчитана на необыкновенно спокойную и терпѣливую натуру, по копѣечкѣ скопляющую гривенникъ, а изъ гривенника рубли, а тамъ, богъ дастъ, и цѣлую сотню.

Могла ли такая натура, какъ была у Ан., не заявить инстиктивнаго протеста противъ пропагандистской дѣятельности, выяснившейся на практикѣ? Напрасно онъ заставлялъ себя жить въ сырыхъ и грязныхъ квартирахъ, напрасно увлекался чтеніемъ и толкованіемъ рабочимъ разныхъ книжекъ, организацiей маленькихъ рабочихъ общинъ съ кассами, библіотеками и т. п. Это было не его дѣломъ. Послѣ продолжительныхъ занятій въ одной рабочей артели, когда онъ уже могъ надѣяться, что воспиталъ нѣсколькихъ соціалистовъ, пришлось ему распросить одного изъ нихъ, лучшаго: „Ну, что, братъ, если бы теперь тебѣ кто нибудь далъ 500 рублей, что бы ты сдѣлалъ?“ „Я? Я бы пошелъ въ свою деревню

и снялъ бы лавочку..." Напрасно ѣздилъ онъ въ деревню и до изнеможенія копался на какомъ нибудь баштанѣ и продавалъ огурцы на базарѣ... Польза, конечно, была, не бываетъ безъ того... Нѣсколько новобранцевъ, таки находилось... Но того ли искалось и надѣялось?!

Нѣтъ, направленіе, которое приняла та революціонная фракція, въ рядахъ которой онъ и умеръ, несравненно больше отвѣчало натурѣ Ан., полнѣе и реальнѣе охватывая его, какъ своею очевидною, болѣе осязательною грандіозностью, такъ и кипучестью работы, удовлетворявшей неугомонному запросу чрезвычайно богатой, пылкой и энергичной натуры. Но, думается, что и это направленіе не могло все таки вполнѣ удовлетворить Ан., такъ какъ удаляло его отъ непосредственнаго общенія съ народомъ...

